

УДК 389.14.

© Денисов А.А., Денисова Е.В.
Denisov A., Denisova E.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ОСНОВ ТЕОРИИ УПРАВЛЯЕМОЙ КОНФРОНТАЦИИ

A BRIEF SKETCH OF THE FOUNDATIONS THEORY-DRIVEN CONFRONTATION

Аннотация. В статье предложено новое содержание термина «управляемая конфронтация». Предложено определение управляемой конфронтации как особого способа планирования, организации и ведения боевых действий на геоцентрическом ТВД, то есть ведущегося одновременно в двух пространствах – физическом и психическом. Приведены основные свойства управляемой конфронтации. Предложен частичный список задач по разработке теории управляемой конфронтации как общей теории постиндустриальной войны.

Annotation. The paper proposes a new meaning of the term "controlled confrontation." Proposed definition: controlled confrontation as a special way of planning, organization and conduct of hostilities on the geocentric theater, that is ongoing at the same time in two spaces – physical and mental. The basic properties of a controlled confrontation. Proposed a partial list of tasks for the development of the theory-driven confrontation as a general theory of post-industrial war.

Ключевые слова. Информационная война, управляемая конфронтация, вооруженный конфликт, посткризисное восстановление, психическое пространство, этическая система.

Key words. Information warfare, controlled confrontation, armed conflict, post-crisis recovery, mental space, ethical system.

Уважаемая редакция журнала «Информационные войны» обратилась к нам с предложением написать статью о теории управляемой конфронтации. Мы с воодушевлением приняли это предложение, особенно учитывая, что никаких ограничений на понимание термина «управляемая конфронтация» внесено не было. Это означало, что мы можем вносить любые уточнения в устоявшуюся научно-технологическую терминологию и изменять понятийный аппарат для приведения их в соответствие современным реалиям и опыту практического планирования и управления конфликтом.

Следует заметить, что предлагаемая статья носит дискуссионный характер и не может быть названа ни теорией, ни введением в теорию управляемой конфронтации. Ниже приводится лишь краткий список некоторых ключевых определений, а также ряд принципов теории управляемой конфронтации.

Таким образом, мы исходили из априорного утверждения, что теорию управляемой конфронтации еще только предстоит создать, систематизировав разнообразный, в том числе негативный опыт управления конфликтами, и называя вещи своими именами – вне зависимости от политической, профессионально-сословной или иной конъюнктуры.

Иными словами, многое в этой статье будет не соответствовать устоявшимся научным представлениям или мифам, сложившимся сегодня вокруг комплекса проблем и задач управления современным конфликтом, в котором пока еще центральное место занимает летальное оружие, гибко сочетаемое с новейшими разработками в области контроля над поведением. Однако данное положение дел быстро меняется к совершенно новому балансу сил и средств вооруженной борьбы.

Наконец, при подготовке настоящей статьи мы

Денисов Александр Альбертович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт конструкторско-технологической информатики РАН, тел. (495)543-36-76;

Денисова Елена Васильевна – руководитель специальной информационной сети «Лабиринт».

Denisov Alexander – PhD, senior researcher, Institute of design and technology computer sciences of RAS, tel. (495)543-36-76;

Denisova Elena – head of a special information network "Labyrinth."

опирались на концепцию конфликта на геоцентрическом театре военных действий как формы вооруженной борьбы за контроль над психическим пространством [1, 2], что предоставило необходимую теоретическую базу, а также послужило точкой отсчета для начала переосмысления современной ситуации в области управления военными и военно-политическими конфликтами в новой системе координат.

1. Ограничения концепции управляемой конфронтации В. Лефевра

Насколько нам известно, впервые понятие «управляемая конфронтация» на глубоко проработанной теоретической базе использовал В. Лефевр [3]. Используем предлагаемое им понимание этого термина в качестве точки отталкивания.

Лефевр выступал консультантом руководства США при подготовке к советско-американским переговорам в Рейкьявике в октябре 1986 г., где в полной мере использовал концепцию управляемой конфронтации. Вот как он описывал, что понимает под этим.

«Я предложил американскому правительству не пытаться разрешать конфликты путем подписания каких-либо официальных документов, а добиваться снижения напряженности «де факто», на самом деле независимо от того, как это оформляется в официальных дипломатических бумагах. В это время Мэтлок готовил совещание в Рейкьявике. Это была первая встреча Рейгана с Горбачевым.

Практическая рекомендация, вытекающая из метода контролируемой конфронтации, заключалась в том, чтобы не требовать от советского правительства громкого подписания компромиссных документов, а предоставить ему возможность оформлять политические решения официально в одностороннем порядке. То есть заместить официальные соглашения компромиссом «де факто», который при желании каждая сторона может представлять своему народу в любой форме» [3].

Иными словами, управляемая конфронтация по Лефевру – это скрытое манипулирование поведением противника, в результате чего он принимает невыгодные для себя решения в одностороннем порядке при условии, что этот противник берет на себя всю ответственность за принятые им решения, не оформляя их официально. И, как следствие, не получая взамен никаких юридически значимых гарантий, уступок и т.п.

Ровно то же самое только что попыталась реализовать евробюрократия в попытке провести одностороннюю интеграцию Украины в ЕС. Но, в отличие от Ле-

февра, у евробюрократии не хватило профессиональных знаний, чтобы в полной мере исполнить все обязательные признаки управляемой конфронтации.

Вместо того, чтобы предоставить руководству Украины «возможность оформлять политические решения официально в одностороннем порядке», Евросоюз предварительно выслал письменный документ с перечислением своих односторонних требований к Украине и лишь затем прибег к скрытым методам управления поведением выбора.

Эффекты скрытого манипулирования сознанием целевой группы украинских руководителей были хорошо видны по тому, до какой степени никто из них не понимал ни условий, ни последствий евроинтеграции для страны и для себя лично. Но процесс евроинтеграции был сорван (или, по меньшей мере, замедлен) из-за того, что евробюрократы попытались совместить привычное им юридическое оформление односторонних уступок Украины с требованиями управляемой конфронтации Лефевра как технологии, исключающей оформление документов, т.е. «работающей» в обход бюрократических процедур.

Итак, первое и главное исходное положение теории управляемой конфронтации состоит в том, что этот тип конфронтации принципиально несовместим с бюрократическим способом управления. На это же обращает внимание и сам Лефевр, описывая причину катастрофического провала администрации Клинтона на Ближнем Востоке.

Он писал, что уже во времена Дж. Буша-ст. «...идея «контролируемой конфронтации» была забыта, а затем окончательно похоронена во время администрации Клинтона. Более того, в клинтоновское время была принята на вооружение прямо противоположная концепция, я бы назвал ее «бюрократическая разрядка напряженности». Американское правительство стремилось взять за шиворот конфликтующие стороны, посадить их за стол переговоров и заставить подписать некоторый документ, который якобы должен был гарантировать последующий «вечный мир» [3].

Именно в этом ключе и поступали в отношении Украины евробюрократы. Они воспроизвели политику Клинтона со всеми ее ошибками. «Катастрофа произошла на Ближнем Востоке. Клинтон, по существу, разрушил очень неустойчивые, но относительно мирные отношения между палестинцами и израильянами, пытаясь добиться получения некоторой резолюции. Очень многие люди начали прилагать усилия к тому, чтобы обязательно получить письменный документ вместо того, чтобы добиваться реального прекращения вооруженных действий» [3].

Сегодня на Украине – так же, как Клинтон когда-то на Ближнем Востоке – евробюрократы разрушили настолько же неустойчивое равновесие между западом, востоком страны и Крымом, что грозит долговременной дестабилизацией всей Восточной Европы, а значит, и ЕС.

Таким образом, уже во времена администрации Клинтона технология управления конфликтом, названная Лефевром «управляемая конфронтация», фактически перестала работать из-за ее несовместимости с принципами бюрократического управления.

Кроме того, следует добавить, что и наилучшее из всех известных применений управляемой конфронтации – на переговорах Рейгана и Горбачева в Рейкьявике в 1986 г. – также привело к негативным последствиям для США.

Опубликованные в 2000-е годы документы американской и британской разведок по теме инфильтрации нацистов в структуры демократических государств, произошедшей после 1945 г., показали, в частности, что единственной разведкой, которая была полностью в курсе и готова к распаду Союза, оказалась германская БНД. И именно Германия стала единственной страной в мире, которая получила реальные средне- и долгосрочные выгоды от распада СССР [4]. (Понимая всю порочность возникшей ситуации, незадолго до объединения Германии руководство США предлагало Горбачеву создать объединенную советско-американскую бригаду для предотвращения этого объединения. Но не получило никакого ответа: было уже поздно [4], Горбачев стал политически неадекватен).

Иными словами, успех Лефевра уже через 5 лет обернулся провалом не только для СССР, но и для США. В чем причина этого провала?

Лефевр не принял в расчет существование еще одного глобального игрока, который скрытно от Лефевра и американцев вмешался в поток событий, заданный лефевровской технологией управляемой конфронтации, и повернул ход этих событий к своей выгоде. Но при этом сами переговоры в Рейкьявике были, бесспорно, выиграны США, что крайне важно для разработки основ теории управляемой конфронтации.

Итак, лефевровская технология управляемой конфронтации не только несовместима с бюрократическим способом управления, создавая системные сбои, подобные провалу евроинтеграции Украины. Но еще и не позволяет эффективно действовать в условиях, когда:

- в развитие событий неожиданно для управляющей стороны вмешивается скрытый субъект управления, чью стратегию и матрицу ценностей невозможно своевременно идентифицировать (так называемый «призрачный субъект» [5]);

- «призрачный субъект» скрытно перехватывает инициативу, действуя на основе управления, по горизонту планирования намного превосходящего горизонт планирования управления, которым пользуется носитель лефевровской управляемой конфронтации.

Второй пункт очень важен. Управляемая конфронтация Лефевра основана на моделировании единичного акта выбора, т.е. на статических моделях рефлексии [6]. Горбачев вообще не пользовался результатами математического моделирования, поэтому проиграл Рейгану. В то же время Германия использовала методы более долговременного планирования, выигрывая по горизонту управления у США, что позволило ей полностью отыграть все последствия Рейкьявика-1986 в свою пользу: разрушить СССР и «загнать» США в политический и экономический тупик, разрушив тем самым основные ограничения на свое независимое развитие, внесенные Ялтинскими договоренностями 1945 г.

ФРГ действовала на основе управления динамическими цепями событий (траекторного управления [7, 8]), что для теории рефлексивных игр Лефевра недоступно.

Успех управляемой конфронтации Лефевра в 1986 г. на деле стал для США отложенной катастрофой, приведшей не только к неожиданному для Америки разрушению СССР, но и к распаду всей системы Ялтинского мира, гарантировавшей США лидирующее положение в Западном мире, а также к тяжелейшему системному кризису, окончательно оформившемуся после 2001 г. Как говорится, «рыба побеждает тактически, заглатывая наживку, но проигрывает стратегически, попадая на крючок».

Таким образом, для разработки теории управляемой конфронтации воспользоваться концепцией управляемой конфронтации В. Лефевра нельзя, поскольку опыт ее практического применения крайне негативный.

2. Ключевые признаки современной информационной войны

Помимо лефевровской концепции управляемой конфронтации, возникшей на базе технической кибернетики второго рода (управления системами с самоосознанием), существует большое число иных концепций, родившихся из полного непонимания реалий современного информационно-психологического противостояния и его «вписанности» в более сложные процессы управления военным и военно-политическим конфликтом. Так, например, в работе [9] управляемая конфронтация представлена как переходный этап от состояния информационной войны к сотрудничеству.

Если отбросить «политкорректный» дискурс, целью информационной войны является полная или частичная десоциализация субъекта-мишени. Десоциализация проявляется, в частности, в полном или частичном, временном (обратимом) или необратимом остракизме субъекта-мишени со стороны его ближнего окружения или общества в целом. В развитом варианте такой остракизм (десоциализация) предоставляет политически приемлемый вариант, например, для его последующей физической ликвидации или использования правовых форм насилия/террора при полном одобрении со стороны общества.

На основе подобного представления целевой функции информационной войны ведутся специальные контртеррористические операции [10]. Однако вместе с тем использование этого определения ведет к осознанию факта, что информационная война, если она ведется без ограничений и квалифицированно, не может привести к будущему добровольному сотрудничеству борющихся сторон.

Так же, как и в войне обычной, проигравшая сторона (вследствие ее уничтожения или десоциализации) должна быть заменена новыми людьми, которые не были вовлечены в конфликт. И поэтому могут добровольно принять новые условия, навязанные им победившей стороной.

Иными словами, как показывает практика, проигравшая в информационной войне сторона должна быть «добита» и заменена искренними и убежденными коллаборационистами. Только в этом случае возможно восстановление посткризисного сотрудничества. (На этом принципе выстраивалась политическая и партийно-пропагандистская работа ЦК ВКП (б)/ЦК КПСС в борьбе с политическими противниками и врагами советской власти).

В свете создания основ теории управляемой конфронтации все вышеизложенное ведет к необходимости переноса идеи советского военного теоретика В.К. Триандафилова относительно определения начала войны на войну информационную как органичную составную часть современного конфликта.

Триандафиллов отсчитывал начало войны от момента начала всеобщей мобилизации [11], поскольку всеобщая мобилизация требует сверхусилий и ведет к разорению страны, если не выльется в начало победоносной войны.

Аналогично первым действительно необратимым событием современного военного, военно-политического и политического конфликта всегда является начало информационной войны. Опыт показыва-

ет, что, если информационная война не будет доведена до логического конца, т.е. до социального, политического и/или физического уничтожения противника и его замены коллаборационистами, она гарантированно оборачивается поражением нападающей стороны. Причем это касается всех без исключения уровней социальной организации, на которых может вестись полноценная информационная война.

Существенно, что приведенные выше характеристики информационной войны логично и непротиворечиво объясняют причины многих исторических событий.

Так, при планировании Рейкьявика Лефевр и руководство США упустили из внимания, что информационная война (в форме, названной Лефевром управляемой конфронтацией) может быть закончена только тогда, когда противник будет необратимо десоциализован и заменен коллаборационистами.

Это привело к тому, что тогдашнее руководство ФРГ и «нацистский интернационал» смогли легко перехватить управление процессами, запущенными американцами. Они просто заполнили «нишу», о которой забыли подумать руководство США и Лефевр: провели финишную деморализацию Горбачева (слом личной воли), десоциализовали его (от него отвернулась вся страна, а спустя некоторое время Горбачев уже рекламировал пиццу) и способствовали замещению его и его сторонников коллаборационистами. Тем самым они завершили за американцев войну, которую те начали по советам Лефевра, но на условиях, выгодных теперь уже объединенной Германии.

Ровно такая же ситуация должна была сложиться с руководством и элитами Украины. Для целей евроинтеграции они подверглись скрытому управлению поведением – информационная война была начата. Поэтому все остальные ее этапы стали неизбежны: финишная деморализация, десоциализация и замещение коллаборационистами. Таким образом, тот факт, что президент В. Янукович в последний момент остановил интеграцию с ЕС и тем самым, сам того не подозревая, спас и себя, и все отряды украинской элиты – «чудо», возникшее из-за технологической неграмотности европейских проектировщиков поглощения Украины. И им придется исправлять последствия собственных ошибок.

Итак, теперь можно конкретизировать некоторые ключевые признаки современной информационной войны, важные для разработки теории управляемой конфронтации.

Признак № 1. Информационная война является видом вооруженного противоборства и носит необрати-

мый характер. Начало информационной войны есть вместе с тем начало войны вообще: опыт «твиттерных» революций или трагических событий в Ливии и Сирии – лучшее доказательство неизбежности перехода от информационной войны к войне «горячей» с целью замены проигравшей стороны коллаборационистами.

Признак № 2. Современная война, включающая в качестве базовой составляющей войну информационную, имеет обязательные этапы начала, развертывания и завершения. Это значит, что начав информационную войну, ее необходимо довести до логического конца – победы: полностью заместить противника коллаборационистами, обеспечив тем самым долговременное послевоенное сотрудничество на условиях победившей стороны. При этом нападающая сторона должна быть готова в случае необходимости в любой момент прибегнуть ко всем имеющимся у нее силам и средствам силового воздействия на противника, включая ОМП.

Признак № 3. Прерывание информационной войны до достижения победы неизбежно ведет к тому, что разгрому подвергается нападающая сторона. Либо, если противник слишком ослаблен и уже потерял способность к осознанному сопротивлению, происходит неизбежный перехват управления конфликтом третьей стороной, которая в этом случае выступает в качестве «призрачного субъекта».

Признак № 4. Информационная война ведется в неразрывном единстве с другими видами вооруженной борьбы. Причем современная информационная война является базовым средством уничтожения противника, обеспечивая саму возможность (публичную и элитарную легитимность) применения других сил и средств силового воздействия на противника, тем самым делая применение традиционных вооруженных/полицейских сил или иррегулярных вооруженных формирований политически приемлемым средством решения задач конфликта.

При этом под информационной войной мы понимаем всю совокупность воздействий на модели поведения субъекта-мишени: от внушения страха путем совершения публичных казней, бомбежек или террористических актов до вмешательства в работу компьютерных сетей, «вбросов» компромата, создания информационных резонансов и т.п.

Таким образом, ключевые признаки информационной войны в настоящей статье определяются не по типу применяемых сил и средств, а по целевой функции их комплексного боевого применения (т.е. на основе определения цепочки достигаемых эффектов), что в целом отлично от традиционных подходов, используемых,

например, МО США. Опираясь на выделение аппаратно-технологических признаков, они вынуждены разделять информационные и психологические операции. Подход, применяемый нами, напротив, соответствует требованиям системного проектирования [12] и потому существенным образом упрощает оценку ситуации, планирование и управление конфликтом.

3. Новое содержание понятия управляемой конфронтации

В последнее время наблюдается радикальный прорыв в области военного управления и технологий борьбы за глобальное лидерство – перенос военной активности в психическое пространство [1, 2], что заставляет поставить задачу переосмысления всех известных представлений о формах и методах вооруженной борьбы. Причем речь идет не о тотальном отказе от всего, что нам известно в этой области, а об органичном синтезе новой теории войны, которая смогла бы вобрать в себя все имеющиеся достижения и знания и дополнить их новым качеством, новой «системой координат», создав системное единство теоретических моделей и методов практического планирования и управления конфликтом, протекающим в двух пространствах одновременно – физическом и психическом.

Если задача ставится так, то вполне уместно сказать, что сегодня информационная и обычная война перерождаются в нечто абсолютно новое. Это новое мы и предлагаем определить термином «управляемая конфронтация», но в совершенно ином смысловом содержании, чем то, которым наделял его Лефевр.

Принимая во внимание, что современный конфликт – это конфликт на геоцентрическом ТВД, который ведется одновременно в двух пространствах – психическом и физическом [1, 2], управляемая конфронтация есть основа всех форм организации, управления и реализации конфликта на геоцентрическом ТВД.

В работе [2] было показано, что теория смерти в ее развитом виде позволяет осуществлять воздействия на субъекты-мишени в максимально широком спектре интенсивностей: от минимальной коррекции поведения до создания массовых терминальных эффектов. Это означает, что, следуя принципу системности, мы обязаны утверждать, что и управляемая конфронтация, имея своей частью информационные войны в их новом технологическом содержании, включая теорию смерти, также перекрывает весь спектр интенсивностей воздействий на мишени.

Причем применительно к концепции управляе-

мой конфронтации (опять-таки, следуя выводам из теории смерти) под мишенями следует понимать как мишени живые, т.е. обладающие осознанием (в том числе, на базе технических и гибридных носителей), так и традиционные неживые объекты нападения и защиты, к которым относятся объекты физической инфраструктуры, машины, сооружения, средства связи, вооружения и т.д., и т.п.

Этим управляемая конфронтация радикально отличается от традиционных представлений о вооруженном конфликте, для которых воздействия, осуществляемые оружием, – летальны, разрушительны или, по крайней мере, травматичны. В управляемой конфронтации, помимо перечисленного, речь идет, в том числе и о минимальных нетравматичных воздействиях на противника. Причем они могут иметь как негативный (подавление моделей поведения), так и позитивный характер (стимулирование моделей поведения).

Данный тезис не должен вызывать недопонимания, так как в истории войн имеется множество примеров, когда оккупационная армия всячески помогала гражданскому населению налаживать нормальную жизнь, стимулируя захваченную страну к быстрому росту. Типичный пример – сочетание денацификации Западной Германии и «плана Маршалла», что дало великолепный результат. Другой пример – послевоенные «успехи построения социализма» в странах Восточной Европы, особенно в советской Прибалтике. Но в истории войн все это условия и средства послевоенного восстановления контролируемых территорий, а в условиях конфликта на геоцентрическом ТВД подобные действия являются составной частью самого вооруженного конфликта, т.е. управляемой конфронтации.

Подводя итог сказанному, а также принимая во внимание данные, опубликованные в работах [1, 2], можно определить управляемую конфронтацию как особый способ планирования, организации и ведения боевых действий одновременно в двух пространствах – физическом и психическом (в значении этих понятий, определенном в работе [2]), который охватывает все уровни военной организации.

Управляемая конфронтация характеризуется следующими обязательными атрибутами (свойствами).

1. Перекрывает весь спектр интенсивностей воздействия на мишени от минимальной коррекции состояния или модели поведения до создания массовых терминальных эффектов и разрушения сред, создающих все формы жизни, включая небиологические (причем понятие «воздействие» в данном случае включает как позитив-

ные, так и негативные воздействия на мишени).

2. Реализуется на основе произвольного выбора условий, места и времени начала военного конфликта.

3. Реализуется на основе произвольного выбора места, времени и условий выхода из военного конфликта.

4. Реализуется на базе количественного параметрического контроля точности объективных параметров задач и времени достижения генеральной цели военного конфликта (т.е. осуществляется на основе количественного управления по траектории основного технологического эффекта [13]).

5. Реализуется на основе количественного контроля побочных эффектов достижения генеральной цели конфликта (т.е. осуществляется на основе дополнительного количественного управления по траектории паразитного технологического эффекта [13]).

6. Включает в себя в качестве органичного элемента военного управления постконфликтное (посткризисное) восстановление, в том числе процедуры принудительного кадрового маневра (замены противника коллаборационистами и т.п.) и коррекции коллективной и индивидуальной памяти субъектов-мишеней (противников в конфликте и их союзников, собственных союзников, своего военного персонала, а также граждан и элит своей и нейтральных стран).

7. Управляемая конфронтация принципиально несовместима с бюрократическим способом управления, т.е. для ее реализации необходимо создание систем боевого планирования и управления, основанных на двухконтурных схемах [14].

Внимательное изучение приведенного атрибутивного определения управляемой конфронтации указывает, что новый тип военного конфликта отличается от всех ранее известных, во-первых, наличием свободного входа и выхода из конфликта, а во-вторых – полноценным посткризисным восстановлением, которое глубоко интегрировано в системы боевого планирования и управления. Это означает, что для реализации управляемой конфронтации на практике армия, полиция, политическое и идеологическое управление (контроль за поведением), кадровая работа и финансово-экономическое управление должны быть объединены в один неразрывный комплекс.

Вообще говоря, подобные преобразования в мире уже идут полным ходом. Так, генеральный штаб Народно-освободительной армии Китая (НОАК) после событий на Тяньаньмэнь в 1989 г. фактически осуществляет «внешний» контроль за КПК, включая операции контроля за поведением, т.е. идеологическую и ка-

дровую работы, традиционно относившиеся к исключительной сфере политического руководства страны [15].

Вместе с тем, генштаб НОАК обеспечивает планирование и управление всеми крупными финансово-экономическими операциями КНР, а 2-е Управление генштаба НОАК (военная разведка) в качестве одной из ключевых задач вне территории КНР имеет задачу проведения операций мирного установления контроля над субъектами экономической деятельности, важными для обеспечения экономики Китая необходимым сырьем, технологиями и т.п. И, разумеется, генштаб сохраняет за собой все традиционные военные функции, которые должен выполнять генштаб любой страны.

Иными словами, в КНР уже сформировано и функционирует организационное ядро для будущей реализации концепции управляемой конфронтации в названном выше смысловом содержании.

Другой тренд – трансформация некоторых крупных частных военных или разведывательных компаний в некий гибрид, который условно можно было бы назвать частной военно-разведывательно-политической компанией (ЧВРПК), что отражает их превращение во внесударственные межнациональные военно-разведывательные структуры, обладающие потенциалом и правом преобразований государственных субъектов. Типичный пример – ЧРК Farwest LLC, уже некоторое время назад фактически ставшая наднациональной сетевой военно-политической организацией – оператором перестройки некоторых государственных субъектов бывшего СССР [16].

ЧВРПК также представляют собой прототип организационных систем, реализующих концепцию управляемой конфронтации.

4. Принцип построения структуры теории управляемой конфронтации

Разработка теории управляемой конфронтации в рассмотренном в настоящей публикации содержании предполагает, что эта теория представляет собой сквозную систему моделей реализации всех атрибутивных свойств управляемой конфронтации. Иными словами, выходные параметры предыдущей модели становятся входными параметрами последующей модели. И при этом вся теория как система сквозных моделей предоставляет возможность проведения оптимизационных расчетов по всей системе сквозных моделей в целом.

Сквозные модели широко применяются при создании конструкторско-производственных комплексов в полупроводниковой промышленности. Любая компью-

терная игра также представляет собой сквозную модель. Т.е. в принципе это типичная задача современного инженерного конструирования сложной системы, относящейся, например, к области оптимального проектирования [17]. Однако характер теории управляемой конфронтации, в отличие от обычных объектов оптимального проектирования, требует включить в традиционный список задач оптимизации количественные модели осознания, в том числе субъектов, радикально отличающихся по свойствам от сознания человека.

Для этого необходимо, в первую очередь, довести до конца работы по конструированию метрологии систем с самоосознанием [6], а затем решить ряд производных от нее, не менее сложных теоретических проблем. Но общий тренд НИОКР, ведущих к созданию основ теории управляемой конфронтации, в целом уже задан. Например, в индустрии компьютерных игр, в частности, так называемых «стрелялок», игр военных стратегий или различных поколений игры SimCity. Этот тренд также маскируется под видом дискуссий об инвестициях в человеческий капитал, а также связанных с ними проблем корпоративной социальной ответственности и т.д., и т.п.

5. Базовое априорное утверждение

Прежде чем приступить к практическому созданию теории управляемой конфронтации, необходимо решить важнейшую фундаментальную задачу: задать приоритет конструирования. Иными словами, определить, что от чего зависит, где главная область управляемой конфронтации – информационные войны или традиционные. Для этого сначала введем базовое априорное утверждение, принимаемое без доказательств и создающее привязку теории к принципам цивилизации.

Управляемая конфронтация представляет собой концепцию реализации конфликта на геоцентрическом ТВД, доминирования в психическом пространстве планеты. Таким образом, управляемая конфронтация является и теоретическим, и технологическим ядром любого постиндустриального конфликта.

Вместе с тем в работах [1, 2] было подчеркнуто, что постиндустриальный конфликт выстраивается на основе признания факта существования и практического использования для достижения целей конфликта сознаний со свойствами, намного отличающимися от сознания человека. Однако, несмотря на это, мы вводим априорное утверждение, что постиндустриальная цивилизация по-прежнему сохраняет человека в каче-

стве центрального ядра, формирующего социум. В этом смысле различие постиндустриальной цивилизации от сегодняшней состоит лишь в том, что сильно расширяется спектр носителей жизни (и сознаний), с которыми человек выстраивает отношения симбиоза или эксплуатации.

Таким образом, и теория управляемой конфронтации имеет своим центральным ядром человека и человеческое общество. Поэтому любая идея воспользоваться теорией управляемой конфронтации с целью полного уничтожения человека как носителя сознания и человеческого общества вообще должна рассматриваться как новая форма преступлений против человечности, на которую не распространяются нормы права и морали. Носители подобных идей подлежат полному и безоговорочному уничтожению как инородные для человеческого общества носители сознания (несмотря на идентичность внешних форм), опасные для самого факта его существования. Эти люди выпали из общества навсегда.

Данная тема крайне важна. Начало борьбы за контроль над психическим пространством планеты порождает научно-технологические тренды, далеко выходящие за все известные нам представления о том, что такое сознание. И общество должно иметь определенные границы конфликтности, выход за которые запрещен в принципе. Предложенное здесь базовое априорное утверждение вводит основу создания и отслеживания подобных запретов на практике, а значит, должно быть заложено в основу теории управляемой конфронтации.

6. Основной приоритет конструирования теории

Теперь мы готовы задать приоритет конструирования теории управляемой конфронтации, разделив главную и вторичную области конструирования.

1. Ядром управляемой конфронтации является человек.
2. Управляемая конфронтация является выражением борьбы одних групп людей с другими.
3. Традиционная война была выражением крайних форм борьбы людей между собой, но управляемая конфронтация несет не только признаки этих крайних форм, но и весь спектр нормальных отношений внутри общества (через включение посткризисного восстановления в структуру боевого планирования и управления).

Из трех указанных пунктов следует, что центральным ядром управляемой конфронтации, в отличие от традиционного военного конфликта, становятся уже не средства физического поражения, а средства воз-

действия на сознание.

Иными словами, изменяется «вектор» отношений между тем, что мы традиционно рассматриваем как силы и средства войны, и тем, что сегодня называется информационной войной.

В традиционном конфликте информационная война является вспомогательным средством, обеспечивая легитимность и политическую приемлемость применения вооруженной силы, а также средством воздействия на системы военного и государственного управления противника, чтобы обеспечить наилучшие условия использования вооруженных сил для целей достижения победы над врагом.

При переходе к управляемой конфронтации этот «вектор» меняется на противоположный. Применение вооруженных сил и вооружений становится производным от решения задач информационного противоборства. Это означает, что решение задач информационной войны обеспечивается применением тех или иных сил и средств конвенциональной и неконвенциональной войны, причем по всему спектру задач – от обеспечения безопасности и правопорядка во время народных гуляний вплоть до применения ОМП по стратегическим, гражданским или военным целям.

Названное изменение приоритета радикально изменяет всю последовательность конструирования теории управляемой конфронтации по сравнению с традиционной военной теорией. И, кроме того, требует радикального изменения психологии армии, спецслужб и полиции как профессионально-сословных сообществ, что крайне затруднительно. Но, как показал опыт Туниса, Египта, Ливии или Сирии, отказ от своевременного изменения указанного «вектора» приоритета задач ведет к самым трагическим последствиям.

Все «твиттерные» революции и гражданские войны в Ливии и Сирии стали следствием грубейших ошибок оценки значимости и первичности применения новейших технологий контроля над поведением по отношению к полицейским и военным операциям. Как следствие, «силовые блоки» этих стран были организационно и психологически абсолютно не подготовлены к установлению нового, более эффективного взаимодействия с носителями технологий контроля за поведением.

7. Изменение этического приоритета

Наконец, нам необходимо обсудить последнюю, но очень важную научную проблему разработки теории управляемой конфронтации – этическую основу. Однако в совершенно ином смысле, чем обычно понимают

этические/моральные проблемы насилия и войны.

В начале статьи было предложено использовать лефевровское понимание термина «управляемая конфронтация» в качестве точки отталкивания. Воспользуемся этим вновь.

Теория рефлексивных игр базируется на использовании этического дуализма Добра и Зла. Правильный выбор по Лефевру выполняется между Добром и Злом, а в основе всего лежат две этические системы, определяющие правила оценки и привязки субъектом Добра и Зла к доминирующим типам ценностей социума в ситуации выбора [18].

Однако выше было показано, что модели Лефевра имеют существенные изъяны и можно построить более эффективное управление конфликтом, действуя вне ограничений, заданных им. О чем идет речь?

Одна из причин была названа выше: Лефевр использует только статические модели осознания выбора, в то время как реальный конфликт развивается в динамике. А о второй причине речь пойдет сейчас. Считается, что в основе современной цивилизации в конечном итоге лежат так называемые Великие религии Книги, которые и создали фундаментальные основы мировосприятия современного человека. Религиозное мировоззрение базируется на разделении Добра и Зла, и эту основу все религии (ислам, иудаизм, христианство и проч.) передали современному миру.

Однако антропология знает общества, в которых нет разделения Добра и Зла. Это общества, основанные на магическом мировоззрении: вере в существование и силу духов, использование их сил путем заключения с ними договоров и т.п. Эти общества считаются академической наукой примитивными. Однако это не так. К такому же типу общества относится современный Китай – в китайском языке нет даже иероглифов, обозначающих Добро и Зло. (Вряд ли кто-то сегодня осмелится назвать КНР примитивным обществом!).

Радикальное отличие фундаментальной основы китайского (магического) мировоззрения от религиозного в значительной мере объясняет, в частности, тот факт, почему США, Россия, ЕС или исламский мир не могут эффективно применять современные технологии управления поведением против китайских государственных, военных или экономических агентов. Китайское сознание просто не воспринимает процедур скрытого управления поведением выбора, которые используются против него, так как китайцы не пользуются разделением Добра и Зла при совершении выбора. Их выбор подчиняется логике совершенно иной этической системы.

Традиционная китайская культура основана на однополярной этической системе. На вершине – совершенство Неба, а вниз нисходит бесконечная градация несовершенства. При этом выбор определяется целью действия, а его эффективность – поражением и победой. Крайняя форма поражения – смерть. Но смерть в китайском сознании не приобретает формы Зла, как у евреев, европейцев или мусульман. Смерть – лишь форма поражения, и не более того. А поскольку все в Китае обращается в циклах, то и поражение, и смерть вписаны в естество жизненных законов Неба, и смерть является не Злом, а чем-то абсолютно естественным. (Потому в Китае воины традиционно спокойно относятся к смерти. Не презрительно, как христианские или исламские воины, а именно совершенно спокойно. Что дает им определенные психологические преимущества в бою).

В основе создания теории управляемой конфронтации для решения задач управления конфликтом в психическом пространстве, скорее всего, будут лежать модели абстрактных сознаний [1, 2, 6]. А в работе [2] было показано, что успехи прикладных разработок в этой области тесно связаны с резким ростом тайного и явного влияния кланов, имеющих источниками самоидентификации и военного/социального действия даосизм или шаманизм – мировоззрения, основанные на однополярной этической системе.

Это означает, что разработка теории управляемой конфронтации неразрывно связана и основана на отказе от двухполярной этической системы (разделения Добра и Зла как основы лефевровских моделей принятия решений) и переходе к однополярной.

В результате это, во-первых, ведет к тому, что вся теория рефлексивных игр нуждается в коренной переработке. А во-вторых, чтобы «закрыть» образовавшуюся вследствие неприменимости концепции двухполярных этических систем «брешь», требуется разработать концепцию однополярной этической системы, которая будет иметь в качестве частного случая двухполярную этическую систему Лефевра или четко сформулированные условия предельного перехода между двумя этическими системами.

Если это удастся, то скорее всего исследования необходимо будет продолжить для построения модели трехполярной этической системы. Если же удастся и это, будет открыт путь к конструированию полиэтических систем как основы проектирования «живых» суперкомпьютеров, т.е. психогенных систем, интегрирующих живые сознания людей и программно-технические комплексы [2], со свойствами, выходящими за рамки

всего, что нам в принципе известно сегодня о сознании и сознательной деятельности. (На этом пути в качестве «стоп-крана» и будут использованы следствия из базового априорного утверждения, рассмотренного выше).

Литература

1. Денисов АА, Денисова Е.В. Конструирование абстрактных сознаний. Модель ко-нечного пользователя. // «Информационные войны». № 1, 2013. – С. 2-13.
2. Денисов АА, Денисова Е.В. Конструирование абстрактных сознаний. Основы математической теории смерти. // Информационные войны. № 4, 2013.
3. Лефевр ВА. Прочеты миротворчества. // «Рефлексивные процессы и управление». Т. 2, № 2, 2002. – С. 48-51.
4. Фаррелл Дж. Нацистский интернационал. Послевоенный план нацистов по контролю над миром. // М., «Эксмо». 2011.
5. Денисов АА. «Призрачные» субъекты в управлении современным военным и политическим конфликтом. // «Государственная служба». № 2 (64), 2010. – С. 67-70.
6. Денисов АА. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД. // «Информационные войны». № 3, 2011. – С. 33-44.
7. Денисов АА. I. Подавление циклов Бойда: Опыт управления военными и политическими конфликтами 1999-2009 гг. // «Информационные войны». № 2, 2010. – С. 2-13.
8. Денисов АА, Денисова Е.В. II. Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами. // «Информационные войны». № 3, 2010. – С. 2-14.
9. Петров ВК, Рабинович ИИ. От информационных войн к управляемой конфронтации и сотрудничеству. // Информационно-аналитический журнал «Факт», № 9, 2001. – <http://www/fact.ru/www/archiv8s7/bitm>
10. Карпенко ВИ., Рудаков АБ. Новая реальность: Террор. / В кн. «De Conspiracione / О заговоре». Сборник монографий. Сост. АИ. Фурсов // М., Товарищество научных изданий КМК, 2013.
11. Триандафиллов ВК. Характер операций современных армий. // М., Госвоениздат, 1936.
12. Дж. Ван Гиг. Прикладная общая теория систем. / В 2-х книгах. Пер. с англ. // М., «Мир», 1981.
13. Денисов АА, Денисова Е.В. II. Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами. // «Информационные войны». № 3, 2010. – С. 2-14.
14. Денисов АА, Денисова Е.В. III. Подавление циклов Бойда: Полная схема управления постиндустриальным военным и политическим конфликтом. // «Информационные войны». № 4, 2010. – С. 26-37.
15. АН. Анисимов. Частное сообщение, 2011.
16. Баумгартен А. Третья Барбаросса. // <http://left.ru/index/phtml>; Молдавский блюз. / Международная редакция «Бурцев.ру». // <http://left.ru/2009/4/moldova186.phtml>.
17. Уайлд Д. Оптимальное проектирование. / Пер. с англ. // М., «Мир», 1981.
18. Лефевр ВА. Этические системы. / В кн. «Алгебра совести» // М., Когито-Центр, 2003. – С. 31-174.

Материал поступил в редакцию 12. 01. 2014 г.